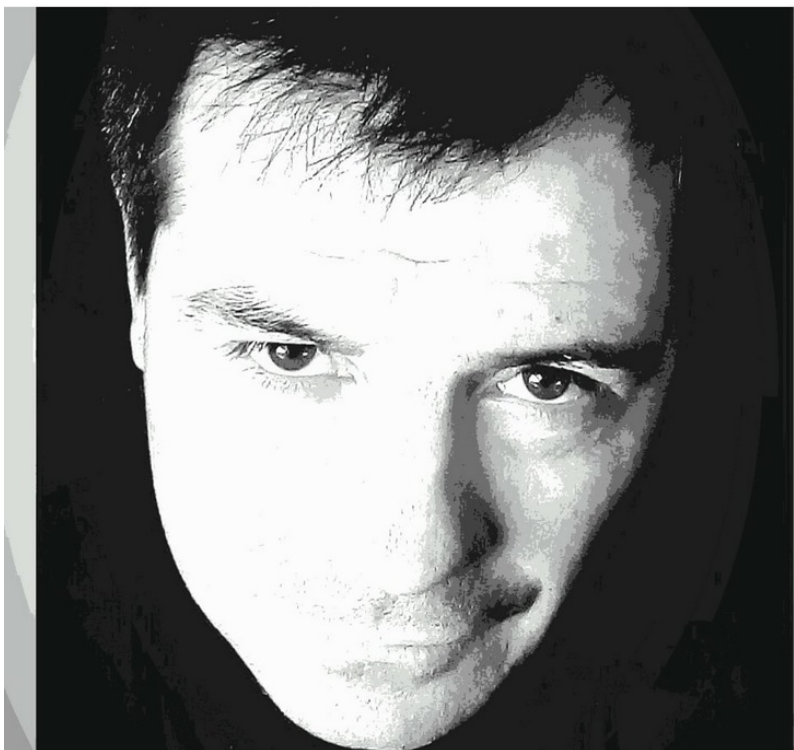

Олег Лукойе
Выход ваш, лангольеры!

1989–2009

Олег Лукойе
Выход ваш,
лангольеры! 1989–2009

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432100
ISBN 9785448532047

Аннотация

«Завершилась эта игра... Выход ваш, лангольеры!». С этой книги автор начинает публикацию всего им написанного в хронологическом порядке.

Содержание

«Бегут ручьи вдоль троп таёжных...»	5
В штопоре	7
«В непроглядной ночи мы наощупь брели...»	10
«Прости, если я не узнаю тебя...»	12
Жутро	14
Летнее соло луны	16
Молитва	18
Не уходи	20
Зиминор	23
«Мы хотели поймать звезду...»	25
Осеннее ретро	27
Весенний хоровод	29
Абстинентная антиутопия	30
Бессонница	31
Видение	33
За стеклом	36
ЗАСТЫВШЕЕ ВРЕМЯ	38
Звёзды не падают	39
Небо пошло войной	41
Про Кирилла и Мефодия	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Выход ваш, лангольеры! 1989—2009

Олег Лукойе

© Олег Лукойе, 2017

ISBN 978-5-4485-3204-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Бегут ручьи вдоль троп таёжных...»

Бегут ручьи вдоль троп таёжных.

Вдоль дорог.

Дороги те ведут не в Рим...

ведут в острог.

Плывут снега... чиста вода,

а в ней свобода.

По той воде бредёт толпа,

не зная броду

И мало силы одной – прорыть подземный ход,
да кандалы сломать.

Охрану мордой в грязь и вдоль весенних вод...

Да вот куда бежать?

Там впереди песок, и всё горит огнём

и никаких дорог.

Направо горный кряж и больно крут подъём.

Он до небес высок.

Налево тоже мрак. Там океан штормит,

не переплыть его...

И вот бредёт толпа, вокруг тайга шумит...

Живот бедой светло..

Бегут ручьи, бегут... да вдоль таёжных троп,

да вдоль дорог.

Дороги те пылят, ведут толпу назад.

Ведут назад в острог.

1989

В штопоре

Сквозь кружку с пивом вижу свет.
Ищу мучительно ответ —
где был вчера?
Не помню...
Четыре нормы одному!
Вчера опять... Зачем? К чему?
И глаз заплыл... Кто бил?
Не помню...

*Стекло разбито. Грязный пол,
а состояние такое,
как будто сто чертей в футбол
моей играют головою...
О, где же ты, Хранитель мой?
Ушёл в запой...*

Кто прав был, а кто виноват?
Кто лютый недруг, а кто брат?
С кем после пил?
Не помню...
Автопилот включился сам,
когда закончился «Агдам».
Потом провал... И как упал?
Не помню...

*Стекло разбито. Грязный пол,
а состояние такое,
как будто сто чертей в футбол
моей играют головою...
О, где же ты, Хранитель мой?
Ушёл в запой...*

Пора бросать! Я знаю сам.
А то допьюсь – и к небесам...
Дурдом, «коробка», крематорий...
Но всё пройдёт – я брошу пить!
Жена не сможет не простить!
А в отпуск вместе. Летом. К морю...

Ох, а, ей-Богу, легче стало —
творит же пиво чудеса...
Пойду пройдуся к универсаму...
Последний раз... на полчаса...

*Стекло разбито. Грязный пол,
а состояние такое,
как будто сто чертей в футбол
моей играют головою...
О, где же ты, Хранитель мой?
Ушёл в запой...*

**Эй! Где ты там, Хранитель мой?
Пойдём-ка, брат, со мной в запой...**

«В непроглядной ночи мы наощупь брели...»

В непроглядной ночи мы наощупь брели
под дождём, по разбитой дороге.
Оступались в грязи, поднимались и шли.
До мозолей стирая ноги.

Мы устали идти наугад в темноте
в бесконечном пути по колено в воде.
Мы забыли как видят. Забыли цвета.
Мы забыли зачем человеку глаза.
И тогда
Мы увидели свет!
Как надежду, которой, казалось, уж, нет...

Вот, он наш ориентир! Вот, куда нам идти!
Там любовь и свобода нас ждёт!
Это утра рассвет, это солнечный свет.
Красный блик горизонта – вперёд!
И забыв про усталость, мы мчались туда,
где мы вспомним тепло, где вспомним цвета.
Мы от счастья смеялись, кричали – Ура!
Мы прошли эту ночь сквозь дожди и ветра
и увидели свет!
Той надежды, которой казалось уж нет...

Мы у цели. И цель тем, кто видит, видна.
Но судьба, о Господь, как жестока она!
Мы стояли, почуяв удушливый жар.
То, что видели мы, был огромный пожар...
И мы видели свет...
От пожара войны, которой казалось, уж нет...

1990

«Прости, если я не узнаю тебя...»

Прости, если я не узнаю тебя.
Прости, если я не скажу привет.
Прости, видно был я слишком пьян.
Прости, за нарушенный мной этикет.
Прости, если что-то было не так.
Прости и поверь – я совсем не такой.
Прости за то, что была не судьба
нам, встретившись, быть в этом мире с тобой.

*А в небе, в небе чёрном горят звёзды.
Боже... Боже, как ярко светят они.
Может... Может ещё не поздно
нам с тобой насладиться
светом весенней луны.
Светом... Весенней луны.*

Прости за то, что не смог узнать
твой голос, запах и цвет твоих глаз.
Прости за то, что не смог угадать
твой греческий профиль и римский анфас.
Прости за то, что прошу простить
за то, что тебе не сказал привет.
Прости, я не буду больше пить
и по весне нарушать этикет.

Жутро

В утренних сумерках город лежит.
Неумолимо будильник звенит.
Я просыпаюсь... Иду... по коридору.
По холодному полу.

В жутком ознобе ржавой водой
прочь изгоняю сон.
Окна Малевича чёрной дырой
гонят меня – вон.

*Я бы выпил вина, или просто поспал.
Но я должен уйти... Я уже устал...*

Втиснут в холодный, душный троллейбус.
Еду туда, где весь день
буду бороться за план производства,
превозмогая лень.

*Я бы выпил вина, или просто поспал.
Но я должен уйти... Я уже устал...*

В душном салоне дух перегара.
Он никогда не умрёт!
Я не один – со мною на пару

мой солидарный народ.

*Он бы выпил вина, или просто поспал.
Но он едет со мной, он тоже устал.
Он тоже устал, но едет со мной.
Мы мчимся куда-то с нашей страной.*

1992

Летнее соло луны

На стенах рубиновых скал
я видел игру огня.
Где май, догорая, вдыхал
свет уходящего дня.
С солью обветренных грёз,
умчавшихся в прошлое лет.
Под шелест юных берёз,
танцующих менуэт.

*Там, в изумрудной купели
вязкой лесной тишины,
ветер играл на свирели
летнее соло луны.*

В полночь немногим дано
видеть на звёздах слёзы.
Было и мне суждено
слышать поэзию прозы.
В танце небесных огней —
вечность летящего лета.
В праздник ночных королей
я упаду до рассвета.

Самые сильные крылья —

*пламя весенних костров.
Их погасить бессильна
сырость осенних ветров.
Эти костры горели
в ночь уходящей весны.
Ветер играл на свирели
летнее соло луны.*

1992

Молитва

Смотри! Какая красная луна.
Смотри! Как ореол её прекрасен.
Смотри! Планеты, как осколки льда.
Их бесконечный путь опасен.

Наблюдая как плавится время,
в языках иезуитских костров,
ты узнаешь как чёрное племя
скоро выжрет его нутро.

*И помилуй тебя Господь
строить планы на сотню лет
до тех пор, пока над тобой
продолжается эксперимент.
Упаси от соблазна грешить.
Научи как обиды простить.
Напои святою водой...
Да не кровью.*

Услышь! Когда поёт тугая плеть.
Сумей себя сберечь от этой песни.
Стакан, наполненный на треть,
спасёт от зависти и лести.

Ты не верь, что смешна и убога
эта жизнь по законам кривым.
Не забыта земля эта богом!
Земля эта проклята им.

И помилуй тебя Господь...

1992

Не уходи

Высохла кровь на битом стекле.
Слышишь? – Ночь позади!
Высохла кровь на битом стекле...
Не уходи! Подожди!

*Дай себе шанс – не губи,
что создано не тобой.
В каждом есть капля любви.
Каждый и есть любовь...*

Слабость твоя всего лишь на миг.
Страх – всего лишь на час...
Боль придаёт каждому сил.
Боль никогда не предаст...

*Дай себе шанс – не уходи!
И не спеши туда...
Всё у тебя ещё впереди.
Скоро пройдут холода!*

**Мёртвым уже никогда не узнать
вкус полу-чёрствого хлеба...
Ходим мы все по чёрной земле.
Дышим прозрачным небом...**

1992

Жёлтая песня высохших трав.
Горькая память слёз.
Пепел надежд. Неосознанный страх.
Эхо далёких гроз.

*Тайны рубиновых звёзд
не замуруешь в стене.
Есть между ними мост,
видимый лишь во сне.
Может быть в этих снах
истины скрыт ответ.
В их, неземных тонах —
вечно живущий свет.*

Борцы за идеи, страдальцы за правду,
грызущие глотки за них,
сырая могила за ржавой оградой,
вот вечная правда живых!

*Тайны иных миров
вечности веретено.
Розу степных ветров
видеть живым не дано.
Реки иных миров
перетекут в моря.*

*Розы с могильных холмов
вдаль унесут ветра.*

1993

Зиминор

Закружит вьюгой воровской
зима, взошедшая на трон.
И вновь я будто заражён
её вселенскою тоской.

Вдоль тёмных улиц проходя,
я сердцем ощущаю холод
далёких звёзд и близких окон,
так презирающих бродяг.

*Гарью былых обид,
неплом дорог и лет
к душам их путь закрыт
тем, кто утратил свет.
Тем, кто не смог понять
тайну безумства звёзд.
Тем, кто решил променять
небо на сытный погост.*

В своей недремлющей тоске,
венчаясь с королевством сна,
в сочельник, торжеством вина
зима отпразднует успех.

Зима, упавшая на трон,
снегами кружит надо мной.
И небо яркою луной
играет колыбельный звон.

*Глупой химеры сеть,
рано успеv сорвать,
я не сумел удержать
то, что хотел иметь.
Пусть торжествует плоть
под феерический смех
и, маскируя путь,
падает скорбный снег.*

1993

«Мы хотели поймать звезду...»

Мы хотели поймать звезду,
а поймали мутанта-орла.
Мы хотели помочь Христу
и казнили Иуду-врага.
Да врагом оказался не тот.
Он, всего лишь, невежда-дурак.
И орёл, обнаглев, приказал: «На фронт!
Воевать барак на барак!»

*Спой нам песню, где нет войны.
Всем, от правды смертельно уставшим.
Спой нам песню про запах весны.
Зашивающим рваные раны и павшим.*

Как мечталось бродить по свету,
распахнув глубину души.
Хоть немного побыть поэтом,
не считая свои гроши.
Может, мир спасёт красота?
Но прекрасен и ядерный гриб.
Может быть и мудра доброта,
но порок её перехитрил.

Спой нам песню в постельных тонах.

*Всем, от правды смертельно уставшим.
Спой нам песню о сказочных снах.
Умиравшим, Умершим и Умиравшим.*

1995

Осеннее ретро

Опустилась листва на прохладу земли.
Дышит серое небо простужено ветром.
В бенефисе усталой осенней зари
всё отчётливей слышится ретро.

*Осень... Грустная осень.
О, Подруга-сестра вселенской печали.
Осень, добрая осень.
Ты последний огонь на моей магистрали*

Отгорели костры. Летних праздников дым
растворился в осенних, холодных ветрах.
Лишь приятная свежесть остывшей воды,
лишь улыбка играет на грустных губах.

*Осень – Императрица!
В золочёных, багряных царских одеждах.
Осень – вещая птица.
Ты последний глоток последней надежды.*

Отзвенели в лесах летних птиц голоса.
В тишине, неспеша, надвигается сон.
Чистотою дождя, отворив небеса,
Осень свой открывает сезон.

*Осень... Что же ты, осень!
Но зачем ты приходишь так рано?
Осень... Ранняя проседь.
Словно тяжесть хмельного дурмана.*

1999

Весенний хоровод

Телеантенны – кресты
на мрачноватых домах.
В брызгах неона застыл
город в кривых зеркалах.
Блеск в неживых глазах
автомобильных фар.
Трелью звенит в небесах,
музыка «до» – «ре» – «ми» – «фа».

Праздничный купол гирлянд.
Маска безумства луны.
Тени шутов короля
в звуках весёлой войны.
Здесь каждый сам себе враг
и безнадёжно пьян.
И потому не чувствует ран.
Не замечает изъян.

*В городе – ночь. Но ему не до сна.
В талых глазах растворилась весна.
Город не спит. Небо зовёт.
Всех на хмельной хоровод.*

Абстинентная антиутопия

О, как приятно ранним утром
проснуться бодрым и здоровым.
Весёлым и проникновенно мудрым
без абстинентного синдрома.
Без мрачных дум о суициде.
В румянном и послушном теле.
С душой в гармонии и мире
на свежей, пахнувшей постели.
Вскочить и радоваться жизни,
под душем делая зарядку.
Петь о любви и об отчизне.
И в пляс пуститься... да впрысядку...

Но чёрта с два... не тут-то было.
Мечты... вы неосуществимы.
И утро раннее постыло.
И бесы вместо херувимов.
Не то что в душ – в сортир проблема.
Не то что петь – стонать нет мочи.
И снова старая дилемма:
Кошмары дня, иль ужас ночи.

Бессонница

Как тревожно поёт эта странная птица.
Даже ветер затих и пропала луна.
Словно горестный плач её песня струится.
И от песни такой мне сегодня опять не до сна.

*Может, в этом повинна активность
ушедшего света?*

*Или тайные игры планет
и магнитных полей?*

*Словно тьму проглотив, тяжелеет
сама атмосфера...*

*Источая печаль и тоску
городских фонарей.*

*Не уснуть мне опять в этой звёздной,
ночной круговерти.*

*Каждый нерв, как струна, каждый прожитый год,
как виток.*

*И теперь каждый сон для меня —
репетиция смерти.*

Отнимает коварно у жизни немалый кусок.

Алкоголем в крови я разбавил ночную тревогу.
Растворил этой смесью печаль и дурную тоску.

Кто-то вечно незримый беспечно поманит
в дорогу.

Кто-то будет с утра, в наказание, стучать по виску.

*Но, расслабившись, вновь зазвучат
мои ржавые струны.*

*Пусть недолго, но этого хватит
на новый роман.*

*Я, конечно, игрок, но не пленник
изящной фортуны.*

*Я из тех, кто уже никогда
не сыграет ва-банк.*

*Я из тех, кто всегда одинок
в карнавальном толпе.*

*Кто в разгаре фиест молчалив,
ироничен и мрачен.*

*Кто когда-то давно заплутал
на тернистой тропе.*

*Но который, именно это
считает удачей.*

Истрепалась душа, словно ветром бумага.

Этанол испарился и ядом корёжит висок.

Сон теперь для меня – репетиция вечного блага.

Он теперь для меня, как спасительной влаги
глоток.

Видение

То ли сон был, то ли явь – не пойму,
но такое ощущение странное,
что в чистилище попал я вдруг.
И вишу – не взлетаю, не падаю.
И народу тут много всякого.
В основном алкаши да бабники.
Как и я висят и не вякают.
Своей очереди ждут похабники.
А вокруг гудят какие-то трубы.
Всё уныло, расплывчато, мрачно.
И рванины истлевшей – груды.
Вобщем, как-то всё неудачно.
Здесь иначе проходит время.
Вроде вечность, но как-то быстро.
Хоп, и голый я. Стою на коленях.
В главном зале. Гектаров на триста.
В центре зала висят весы,
на высоком кресте распятые.
А вокруг упыри, да псы.
В балахонах с кровавыми пятнами.
И готовый уже к покаянию,
вдруг увидел я камни разные.
Каждый камень равен деянию.
Благородному иль безобразному.

И за день мною прожитый каждый,
эти камни, крупные, мелкие,
с тяжким грохотом сыпятся в чаши.
Справа, слева, чёрные, белые.
Вон булыжник – обидел женщину.
Вон за то, что стрелял сигареты.
Белый камень! – монету дал нищему
И за то, что забыл об этом.
Грохотали булыжники, падая.
Запах серы смешался с миррой.
Чаши прыгали. Левая. Правая.
В зале слышался хохот и вой.
Вдруг всё стихло. Весы на нулях.
В зале – шёпот и тихие речи.
Я хотел улизнуть втихаря,
но меня ухватили за печень.
И, наверное, главный вампир
прогнусавил: «грешок один знаю —
этот олух без закуси пил
и поэтому, вот что считаю:
Нужно в ад его сплавить закуской,
чтобы впредь неповадно другим»,
а защита в ответ – «Он же русский.
Он в России родился и жил».
Снова чёрное с белым заспорило,
но о чём-то сакральном, своём.
Вдруг, как будто обрушилось море,
и раздался небесный гром.
Всё исчезло. И крест, и зал.

Я один, в тишине на диване.
Но не голый, а в том, в чём спал.
То есть в брюках, с носками в кармане.
То ли сон был, то ли явь – не решу.
Но осталось ощущение странное,
словно я всё так же вишу.
То есть – не взлетаю, не падаю.
Будто я всё так же вишу.
Не взлетаю...
Так ведь и не падаю!!!!

2007

За стеклом

Вновь человек за стеклом
видит мой пристальный взгляд.
Я изучаю его.
Он изучает меня.
Жёсткие, тонкие губы.
Пепел седых волос.
Взгляд ироничный, хмурый.
Видит меня насквозь.
Помнит каждую рану.
Помнит больше, чем я.
Знает каждую тайну.
Знает мой каждый изъян.
Мы с ним давно неразлучны,
но я, изучая взгляд,
знаю его не лучше,
чем много лет назад.
Нас разделила навечно
твёрдая гладь стекла.
Грань её безупречно
через миры пролегла.
Я осознал всецело —
Мне от него не сбежать.
Я под его прицелом.
Я продолжаю ждать.

Тот человек за стеклом
будет повсюду, где я.
Я изучаю его. Он изучает меня.

2007

ЗАСТЫВШЕЕ ВРЕМЯ

Раннее утро. Туман над рекой
стелется ватой.
Дым костерка... Пахнет ухой.
Веет прохладой.
Косы ракит серебристой росой
просыпаются в воду.
Солнце вот-вот полыхнёт зарёй
по небосводу.
Ветер слегка поиграл сединой
дремлющей ивы.
И, расписавшись лёгкой волной,
стих у залива.
Раннее утро. Лето. Июнь.
Время застыло.
Словно оно очутилось в раю.
Нас позабыло...

2007

Звёзды не падают

Настанет этот миг, когда-нибудь,
вдруг упадёт последняя песчинка.
И мне в небытиё укажет путь
неведомая лунная тропинка.
Без суеты в сырую скорбь земли.
И дальше к звёздам, в тайну занебесья.
Сжигая все мосты и корабли,
под звуки труб и погребальной лести.

*Но перед тем, как навсегда упасть,
я вспомню то, что забывал порою
(И оттого, когда сжигала страсть,
себе казался маленькой звездой):*

*Звёзды не падают. Звёзды сгорают.
Если они настоящие звёзды.
Падают ангелы, если устали.
Но незаметно и тихо как слёзы.
Звёзды горят. И звёзды сгорают.
Свет разделяя с теми, кто рядом.
Павшие ангелы не умирают.
Вечно кружат над землёй листопадом.*

Когда-нибудь, останется лишь звук.

Лишь образ, память о нелепой плоти.
Живых пугая тщетностью потуг
и ржавчиной на липкой позолоте.

Крадёт года безжалостная плеть.
И лёд, и пламя... скользкая дорога.
И так уж есть – не всем дано гореть.
Но всем дано не угасать до срока.

2007

Небо пошло войной

Небо пошло войной
на засыпающий город.
Там, за бетонной стеной,
властвует сырость и холод.
Я разожгу камин —
зов первобытных предков
и буду пить один.
С магнитофоном кассетным.
Бьётся в припадке дождь.
Там, за окном, война.
Я единственный гость
в царстве тепла и вина.
Вспомню о чём говорил
древний пророк Заратустра
и буду пить один.
Мне хорошо и грустно.
Гвозди вбивает дождь.
Небо мрачнее могилы.
Я одинокий вождь
среди пустых бутылок.
Ветром хмельной свободы
пьяный струится жар.
«Прелести» непогоды
я превращаю в дар.

2007

Про Кирилла и Мефодия

Два друга запойных, Кирилл и Мефодий,
сидели, как водится, в пьяном дыму.
Девятые сутки небриты, в исподнем,
несли ахиною и спали в хлеву.

Над ними смеялись купцы да бояре.
Соседи кругами ходили, крестясь.
Мефодий как выпьет, так в пьяном угаре,
глаголит невнятно, словами давясь.

Да и Кирилл, если выпил, не лучше.
Мычит, как немой, да кивает башкой.
А если уж, спьяну, чего и озвучит,
то как говорится, хоть падай, хоть стой.

И я вам скажу, по секрету природы,
Кирилл мог такие слога выдавать!
Он знак выговаривал мягкий и твёрдый
(не говоря уж про всякую ять).

Трезветь не хотелось им – весело вроде.
Но трудно по пьяни друг друга понять.
Вот тут-то Кирилл, а может Мефодий,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.